

Александр Раткевич
МАЙ-ПОМАЗАНЕЦ
Четвёртая книга стихотворений
1994

«Книга «Май-помазанец» продумана составлена, в основном обработана в декабре 1993 года, и представляет своего рода поэтическое отражение, прямое или косвенное, некоторых мотивов майских дней как народного календаря, так и гражданского».

© А.М.Раткевич

* * *

Мой край не весел, не печален.
Кленовый запах для меня переворот.
И я, спокоен и отчаян,
дом покидаю, где меня никто не ждёт.

Где словно тлением объята
и брёвна древние, и сад, и окон ряд,
и только клёны на закаты
глазами изумрудными глядят.

Замыслил я поступок в жизни.
Мне шумный город – притягательная суть,
но этот шум, как шум на тризне,
что тяжким камнем опускается на грудь.

И хоть с годами нету сладу,
я думаю, что чувства мне не врут,
что, возвратившись, как отраду
я вновь увижу клёнов изумруд.

Я ухожу, но что я оставляю
в саду гниющем, в доме набекрень?
Себя частицу или стаю
раздумий, исчезающих как тень?

Ни то, ни это. Всё случайно.
И только окон рассыпающихся ряд,
и брёвна древние, как тайна,
и клёны вечные зовут меня назад.
1986

* * *

Любовь неожиданна, как испуг, –
Евангелие вожделенья.
Неверная книга скользит из рук
апокрифом обыкновенья.

Любимые строки вскрываются вдруг –
единожды – будто вены.
На миг замирает от боли супруг,

а может быть, от измены.

Людишки смеются – созвездье хапуг –
елейные взгляды швыряя
на нас и на наш долгожданный недуг –
адажио нежного рая.

Люстриновым лицам всегда полукруг
естественней вместо круга.
Наверно, спадёт, проклиная досуг,
антоновкою супруга.

Луна – как намёк; отражения трюк –
едва на глазах, на мокрых.
Но мы нераздельны и разны, как – вдруг –
Евангелие и Апокриф.

1993

СОНЕТЫ К САМОМУ СЕБЕ

(часть 2)

I.

Есть точка зренья: так как всё равно
бессмертья нет и жизнь конечна,
то жить резоннее беспечно,
забавам предаваясь, как в кино.

Но есть другое мнение, оно
напоминает безупречно,
что тем, кто жизнь свою увечно
услადю лелеет, суждено
проделать в мире бесполезный путь.

Я не скорблю о прожитом ничуть,
но эту драгоценнейшую землю
сквозь разочарования и нудь,
сквозь пользы ненавязчивую суть
как данность бесконечную приемлю.

II.

Когда я был ребёнком, тонко
не ощущавшим время-метку,
отец в лесу, расставив сетку,
поймал и мне принёс совёнка.

Я посадил совёнка в клетку,
я с ним играл легко и звонко,
но он подобием волчонка
не брал ни булку, ни конфетку.

И я тогда отнёс обратно

совёнка в лес; и мне, аскету,
поступка суть была понятна.

Но время – пули лёт, и нету
уже того, что билось близь.
Ты где, совёнок мой? Вернись.

III.

Мне от тщеславия покоя нет,
и день за днём, и час за часом
оно своим всевластным глазом
гнетёт меня, как будто я клевет
тщеславия, но это сущий бред,
ведь я – то взглядом, то наказом
людей тщеславящихся разом
старался образумить... Тет-а-тет
с самим собой решил я просто:
среди работы и забавы,
среди гниения и роста
какое дело мне до славы –
я параллелен с нею, потому
её не люблю и не приму.

V.

Всечасно я добро коплю:
то люстры блеск, то грохот рэпа,
то переливы курослепа,
чей цвет загадочный люблю.

Но я страдаю и скорблю,
когда добро, как цель вертепа,
ветшает быстро и нелепо,
хоть знаю, что всегда куплю.

Что есть богатство? Уж не то ли,
о чём пекусь я поневоле
и что не трудно, как магнето,
сменить на новое?.. Вот суть:
богатство – молодость, и это
уже богатство не вернуть.

VI.

Наступит день, минута, миг,
когда сквозь плач, стенанье, бредни
я выдох сделаю последний,
и в пламя смерти – напрямик.

Тогда, с беспамятством впритык,
но не забыв свой вдох последний,

я позавидую намедни
тому, чей расцветает лик.

Я знаю, всё идёт по кругу:
любовь, зачатие, рожденье
и смерть, заботливую руку
мне подающая, как муку,
когда, казалось бы, мгновенье –
и я навек исчез в забвенье.

1982-83

* * *

Яблони в пору цветенья
мне навевают вдруг
юности предощущенья
жгучие, как испуг.

Яблонь молочная спелость
в думы мои стремглав
вносит горячую зрелость:
разума с сердцем сплав.

Яблони в миг опаданья
дарят – не проворонь –
пылкие напоминанья:
старость – огонь.

1986

* * *

Пыль спиралью, слабый свет
солнечной короны;
еду – вежи, края нет,
лишь деревьев кроны.

Предгрозовье – духота:
аж в мозгах болезно;
досчитал почти до ста,
сбился – бесполезно.

Изменений никаких:
весь в пыли и баста;
вспоминаю чей-то стих,
повторяю часто.

Оглянулся – где же свет;
только ливня скрежет
так и прёт за мною вслед
и пространство режет.

Не укрыться мне в пути –
капля каплю гонит

миллионом конфетти:
миг – и мир потонет.

Нет от пыли и следа.
Что там: край ли, веха ли?..
– Ты откуда и куда?
– Я? А что, приехали?

1988

* * *

И снова май, неужто всё в природе
по кругу движется, как в хороводе?
И будни в ожидаемом цветенье
не вновь ли рядовое повторенье
того, что представляет бесконечность?
Или же грязь на улицах, как вечность,
или же зелень, вспыхнувшую снова,
мы суждены воспринимать обновой?
Мы рождены – любовь дана нам свыше;
и на земле, где ветра гомон крыши
ласкает монотонною поэмой,
любовь – не повторяемая ль тема?
Или же камень разрушенья нужен,
чтоб новое построить? Или ужин,
что на столе для нас стоит готовый,
воспринимаем мы всегда как новый?
И сыт ли кто единственную чашей,
в которой всё однообразье наше
в последний раз?.. И снова мая вежды
вселяют в нас мятежные надежды,
внушая: птиц взволнованных круженье
и в этот миг всего лишь повторенье.

1988

МАЙ

Снега давным-давно сошли
ручьями, чуя новь,
снеся с поверхности земли
людские пот и кровь.

Есть обновление во всём;
и бедственные дни
вполне смываемы дождём
весенним искони...

Сквозь пульь пронзающий хорал
я родился, мой друг,
когда на землю ты упал,
но только не в испуг.

Когда спасеньем был ночлег

и ты тепла хотел,
алел от крови утром снег,
от пота холодел.

Когда как праздник был рассвет,
хотелось ли тебе,
пройдя, оставить в жизни след
и память о себе?

В холодном облике твоём
горел горячий взгляд,
и в сердце вера сквозь надлом
светилась в тыщи ватт.

Ты обновленья слышал хор,
когда сквозь мая цветъ
в тебя, судьбе наперекор,
вонзилась пули медь...

Налились раны жизнью вновь,
предчувствуя весну;
всесильна неба бирюзовь –
смывает и войну.

Снега давным-давно сошли;
мой друг – судьба моя,
ты стал частицею земли,
а чем же стану я?
1977(1994)

* * *

Идём – за нами след кровавый
вновь неоконченной войны;
и те, кто раньше были правы,
теперь страдают от вины.

За что? От истины далече,
срываем недозревший плод,
и падает на наши плечи
некстати прерванный полёт.

Мы все крылаты от рожденья,
но в том-то и беда, что вдруг
нам для последнего сраженья
вновь не хватает крыльев-рук.

Нам не хватает полу-вздоха,
крупницы памяти, бойца,
когда с нас требует эпоха
вершить победу до конца...

Чем глубже, суетней, заздравей

мы проникаем в гущу лет,
тем не виновней и кровавей
войны недовершённой след.
1977(1994)

* * *

Если днём, в одиночку,
сладко я засыпаю,
я во сне открываю
Диогену бочку.

Если пищей богатою
наслаждаюсь с отрадою,
вижу сытную точку:
Диогену бочку.

Даже в шумной компании,
где я, в общем, не в строчку,
вижу я сквозь страдание
Диогену бочку.

Словно бреда цепочкой
стал мой взгляд ненароком –
сердце давит пороком
Диогенова бочка.
(1984)

* * *

Беларусь – гнездо России.
Надо мною, как циклон,
пепел жертвенной стихии
заслоняет солнца клон.

Подо мною, как живые,
остриями в небосклон,
словно раны ножевые,
кости вымерших племён.

И встают из шахт тифозных
рудокопы вновь и вновь,
отряхая с век бесслёзных
зачерневшуюся кровь.

Не вздыхая, не внимая
страху, скрытому стопой,
травы бурые сминая,
на меня идут толпой.

И, звеня кремнём, упавшим
на чугунной мостовой,
произносят ртом уставшим:

мы мертвы, а ты – живой?

Что тебе о нас известно?
Память ходит без следов,
обволакивая бездной
пожирающих годов.

И, оплакивая вкуче
род и речь на все лады,
вместе с нами канешь в глуби
забытья и темноты.

День и ночь кричать по-вдовьи
будешь с нами или врозь:
разорённое гнездовье,
высыхающая Россь.
12.04.1990

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

Неизвестными солдатами страны усеян стан,
и не счесть их, как не счесть в ржаных полях семян;

от Прибалтики до Крыма колосятся души их,
и горячим хлебом входят в плоть оставшихся в живых;

насыщают их не злобой и не холью сытой,
очищают их собою, как муку сквозь сито:

ты – рядовой Иванов,
ты – сержант Петров,
ты – лейтенант Сидоров.

Неизвестные солдаты – наши вечные отцы –
не известий безымянных бесконечные столбцы,

а сгорающих в апреле прошлогодних трав поклон,
уходящий дымом белым в предвечерний небосклон,

чтоб ветрами и дождями просочиться в каждый кров,
вешней памятью наполнить нашу боль и нашу кровь:

ты – рядовой Иванов,
ты – лейтенант Сидоров,
ты – сержант Петров.

Неизвестным ли солдатам в день, когда и лёд горюч,
лица, скрытые землёю, озаряет солнца луч;

их сердца в ночи безбрежной пульсом вечности стучат,
лунной горечью сияют, звёздной немочью кричат;

и в быту и на парадах, средь бессонницы и снов
как живых или как мёртвых вспоминаем вновь без слов:

тебя – сержант Петров,
тебя – лейтенант Сидоров,
тебя – рядовой Иванов?

Пожинаем мы златые семена –
да святятся ВАШИ ИМЕНА.
1985-1987

НОВЫЙ ИКАР

И вот, поглядывая вспех
из полужёлтого окна,
шепчу: тому труднее всех,
кому крылатость не дана.

А в размерцавшихся глазах
борьба со страхом началась,
и Млечный Путь, как вечный прах,
во мне – ночная ипостась.

Уже в огне покров небес,
и я, свою собравши мочь,
взлетаю, понимая, – без
меня не вызвездится ночь.

Звеня луной, как бубенцом,
ночная тьма, под стать клешне,
вдруг, над моим мелькнув лицом,
перерезает крылья мне.

Моё падение на твердь
подобно молнии-мольбе:
и жжёт бессмысленностью смерть,
и смысла нет уже в судьбе.

И вновь, поглядывая вспех
из полужёлтого окна,
кричу: тому труднее всех,
кому крылатость не дана!
1978(1993)

ПОИСК

–I–

И звёзды умирают... Я – крупца
в пульсирующей, шепчущей Вселенной.
Один ли я, и гулок ли мой голос,

когда взахлёб, почти надрывным криком
пытаюсь я прорезать вечный шёпот
светил, блуждающих по кругу, будто в нём
сокрыта тайна долголетия?

–II–

О, милая, я с губ твоих срывал
не чувств ростки, а горький пепел млечных
раздумий о потребности иметь
хотя б одну, но родственную душу
по духу, по идее, по мечте.
О, милая, мучительнейший поиск
закончился; откликнулся ли кто
на зов, на вопль, исторгнутый, быть может,
теперь уже надорванною глоткой
и, к сожалению, в последний раз?

–III–

Я знаю, никогда не хватит жизни,
чтоб насладиться поиском и чтоб,
почувствовав в своей груди усталость,
упасть, да так, чтоб вздрогнули от боли
извивы размерцавшихся галактик...
И звёзды умирают. Я – крупца
в пульсирующей, шепчущей Вселенной.

1981

* * *

Ты не решишься, хоть – беда,
ко мне нечаянно приехать,
разбередить, как никогда,
полузабытой страсти нехоть.

Отвергнуть, даже если жаль,
любовь, начертанную роком,
и сна совместного печаль
ты не напомнишь ненароком.

Ужель всегда, когда один
неотречённо ждёт и любит,
другой неумолимо губит
любви светящийся рубин?

Неужто времени костёр,
сжигая вещное искусство,
сжигает, как ненужный сор,
уравновешенные чувства?

Сегодня ты в который раз
проснёшься в неге первозданной,

совсем не зная, что сейчас
я пред тобой явлюсь неожиданно.
1993

* * *

Как привередливый подросток,
объятый страстью к бланманже,
без раздражений и загвоздок
я забываю Вас уже.

Когда-то – было и не скрою –
Вы проплывали предо мной
неодолимою тоскою,
всепоглощающей волной.

Вы открывали суеверно
своей души хмельной Эдем,
меня в него высокомерно
не приглашая, между тем.

Произнося слова, иголкой
вдруг застревавшие во мне,
не насмехались Вы, а колко
меня сжигали, как в огне.

Вы говорили: «Сладострастья
пересыхают в суете;
как жаль, что в этом море счастья
ты любишь сладости не те».
1993

* * *

Я знаю, что настанет миг,
и ты поймёшь необратимо,
что деньги – это не родник,
а слой безжизненного грима.

И будешь ты смотреть тогда
в своё лицо – переживая,
что в роднике была вода,
но мёртвая, а не живая.
1991

МАЙСКИЕ ТЕРЦИНЫ

Отцветший сад, середка мая
лениво льётся молоком
на зелень трав, в ладонь, смывая
судьбы морщинистый надлом,
прикосновенье губ, душисто-
солончатый запах дрём

и ощущение бархатистой
травы, пьянящей наобум.

Покровом-простынёй снежистой
и сладкой, как рахат-лукум,
являя сыть, являясь сочной
поительницей тайных дум,
травя – родник-огонь молочный –
укутывает нас и вдруг
вливает в пальцы непорочно
парное вожделенье мук.

И всё мешается в сознание:
отцветший сад, движение рук,
неудержимых уст блистанье,
неутишимых чувств всполох,
серёдка мая, зацветанье
черёмухи – первейший вздох
грядущей стужи и травыцы
смарагд, застигнутый врасплох.

Молочность, как отроковицы
неиссякаемая спель,
кропит уснувшие ресницы,
дурманит разум, словно хмель,
переполняет кровь, вливаясь
в деторожденья колыбель,
внушая нам целебность-завязь
вкушенья майского плода.

1993

БАЛЛАДА О ЖЕНЩИНЕ ТЫЛА

I.

Несчастливица невероятная,
кто ты: женщина-сатана,
мать-страдалица непомерная,
сверхязычница суеверная
или – преданная жена?

Осиянна войной-поминками,
помнишь, мужа шла провожать:
не кропила траву слезинками,
а сказала: "Я буду ждать..."

И лицо твоё, как созвездие,
молчаливо льющее свет,
замерцало, словно возмездие,
уходящим составам вслед.

Мысль о смерти была мучительна –
жизнь дороже, милей была.

Дома свечку задула решительно,
дочь растерянно обняла.

И сквозь блёклой луны сияние,
сквозь бессонницу, что огнём
обжигала твоё сознание,
мужа видела богатырём.

II.

Были письма его, как моление.
Он писал: "Отступленьем сыт, –
будет вскорости наступление,
потому как сердце болит

по земле, что давно не пахана,
по траве, что давно некошена,
по хозяйству, что дома брошено,
по тебе..., ведь тебе несахарно".

Только ты управлялась, времени
доставало и дров нарубить,
и в колхозе с утра до темени,
и трёхлетнюю дочь накормить.

Было нечто в тебе глубинное,
святогорское даже точь-в-точь,
что давало силы былинные
невозможное превозмочь.

И в судьбе, что была мучителем,
и в тоске, и в работе любой
мужа видела ты победителем,
голос слышала мужа живой...

III.

Кто ты, женщина часа военного?
Муж погиб твой, но почему
ты в потоке страдания брэнного
отправляешь письма ему?

"Не подумай, что я сумасшедшая,
мол, пишу неживому..., но
вот и весточка есть, пришедшая
после боя давным-давно.

Просишь ты уберечь нашу девочку
и вдохнуть в неё душу-стать,
и почаще, почаще весточку
для тебя на фронт присылать.

Я теперь одна-одинёшенька;
дочка учится, вся в пути;
написала мне: "Мама, роднёшенька,
собираюсь замуж идти".

Я звала их к себе решительно,
но – отдельное ближе жильё;
знаю, в этой жизни мучительной
каждый ищет что-то своё...

К одиночеству я приучена.
Помнишь, я сообщала тебе,
как кричала в ночи измученно,
как изверилась в ворожбе.

Я уже не кричу нисколько
и не верю, что ты придёшь,
понимая: не доля, долечка
пронизала мне сердце сплошь.

Я старею, и в этой таинственной
круговерти весь род людской...
Милый мой, дорогой, единственный,
я исполнила долг свой".

1985г.

РОСЕННИК

Паутины майской нитью
пролегла тропинка в лес:
по любви или наитью
говор нас в лесу исчез.

«Посмотри, опять заспались
муравьи в своих шатрах...» –
указательный твой палец
на моих застыл губах.

Я молчу в лесу безмолвья –
колокольцами сам-пят
из низины, от становья
росы первые звенят.

1991

ЛУННЫЕ ХОККУ МАЯ

(Из цикла)

Я сын января,
и видится мне снегом
лунный свет в мае.

Щёлкнул соловей,

насторожилась луна –
запахло солнцем.

В жизни – нет смысла,
в луне – нет тепла,
во мне – нет меня.

Предчувствуя солнечность,
Млечную речку ночи
переплывает луна.

Рождаясь седой,
луна умирает девочкой
черноволосой.

Замерла луна:
празднует именины
матушки-земли.

Рябиновое тепло.
Рябинная ночь.
Рябая луна.

Ломкая луна
скользит, и вдруг падает
с блюбочка ночи.

1993

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ (Из цикла I—VII)

-I-

Когда Нагорной проповеди зелье
вкушал народ уставший Палестины,
там был один, скрывавшийся в ущелье,
который о другой мечтал године,
который, слушая Христовы речи,
с ухмылкой ледяной произносил:
«Любить врагов – не то же ли, что свечи
пытаться мыслью загасить; и сил
своих не рассчитав вполне и верно,
сожжённым этой страстью быть;
не всё ль равно: судить иль не судить,
когда повсюду ставятся безмерно
убийств обезображенные танцы,
и на столбах опять людские агнцы,
распятые, кричат: благая весть!
и щёк не надо подставлять – не счесть
избитых лиц, чей рок огнём отмечен;
и пир, что похоть ладит, вечен,
и нечем эту жажду утолить;
и крепнет клятвопреступлений нить,

и рвутся рубища, и сердце, как зеркало,
кровь отражает странной позолотой...»
Там был один, его лицо сияло
ухмылкой – он был из Кариота.

-II-

Когда саддукеи схватили Христа,
и сердце Петра затряслось в лихорадке,
их совесть была совершенно чиста,
их ум находился в полнейшем порядке.
Им этот Христос – поперечиной в горле:
«Пришёл и ушёл, ни семьи и ни деток,
к тому же ещё и воскрес напоследок,
чтоб помнился лучше, чтоб годы не стёрли
проделки его в Иудейских просторах:
лечение нищих, учение духом;
когда ж зароптали, не вздрогнул и ухом –
ему иудеи как мусора ворох;
смоковницу проклял, завистник бесплодный;
считал одинокой её и... боялся,
а в то, что и сам одиноким остался,
не верил; и мы проясним превосходно,
кому Царство Божие будет открыто,
кому принесут его целые груды;
он нашу закваску просеял сквозь сито,
попробует, значит, закваску Иуды».
И камень тот самый, который, как бездна,
осколками медленно входит в уста,
молчал, завывал и смеялся воскресно,
когда саддукеи схватили Христа.

-IV-

Когда однажды юноша богатый
спросил, смеясь: «Учитель, подскажи,
что сделать мне, чтоб избежать утраты
как тела своего, так и души?»,
Христос, не торопившийся с ответом,
с хитона отряхнув ладонью пыль,
«Послушай, – прошептал, – тебе неведом
не голод, не одежды старой гниль,
так отрекись от дома с содержимым,
запри в себе желанье богатеть,
и ты в порыве двинешься незримом
туда, где невозможно умереть».
Молчание сорвало с губ усмешку,
печаль достигла юноши лица:
«Но слышал я с укором вперемешку
иные наставления отца,
иное мнение: от нищего нет толка,
как толка нет от сгнившего плода».
И отошёл. И вот промолвил колко

Христос ученикам своим тогда:
«Куда как легче толстому канату
через ушко игольное пройти,
чем в Царство Божие войти
обвитому богатством супостату».

-V-

Когда Иисус в Вифсаиде явился,
была не пора ещё зреть винограду,
и с озера ветер на поле стелился
не саваном белым, а пухом, в награду
за труд молодежавый, за радость, что землю
цветенье предбрачное вновь украшает,
что в каждой душе человеческой сияет,
подобно весеннее-лечебному зелью,
созвездье любви, что ночью порою
тому, кто уже неподвластен покою,
тропу каменистую вновь освещает.
Когда Иисус в Вифсаиде явился,
простёр к нему нищий недужные руки:
Христос, я, не зная покоя, трудился,
сетями ловя, невзирая на муки,
в реке Иордан пропитание наше;
теперь же наслал на меня ты проказу;
за что? неужели за то, что ни разу
я зла не свершил даже малого, даже
не мыслил в своей голове: ненароком
бороться с опутавшим жизнь мою роком,
как будто бы душу подвергнув экстазу?»
Когда Иисус в Вифсаиде явился,
он понял: вино ещё здесь не созрело
и брачного пира ещё не родился
младенец, имеющий дух, а не тело;
и вдруг, умолчав осознания алмазы,
приблизился к нищему и прикоснулся;
и вздрогнул больной и тотчас ужаснулся –
очистилось тело его от проказы.
И, бросив на город укор с подоплёкой,
созвездье любви созерцать одиноко
в пустыню ушёл Иисус...

-VII-

Когда рассеялась над Иерусалимом
ночная мгла, и солнце, как циклоп,
вставало из-за гор в огне неумолимом,
сводя на убыль утренний озноб,
и пробуждался сад, и старых кипарисов
немые тени полускрещивались, вызов
бросая нарастающему дню,
Мария плакала у каменной гробницы,
и слёзы, солонью ласкавшие ресницы,

стекали, орошая суетню,
на землю, очевидицу ночных событий.
В гробнице не было Христа, но был сокрытый
от взора человеческого дух,
который голосом, что нежности богаче,
ласкал Марии обострённый слух:
«О, женщина, зачем ты пребываешь в плаче?
На гору Елеонскую взгляни,
на кипарисы, что (огню) сродни,
на солнце, зажигающее веер неба,
на Гефсиманский сад и на поток,
бурлящий в мае, словно кипяток,
и в море Мёртвое стекающий свирепо,
и ты почувствуешь...» И вдруг, как гром:
«Мария, что ты ищешь здесь?... пойдём
туда, где ждут меня и требуют спасенья,
венца тернового лаская прядь,
надменных тел, что созданы для тленья,
и бранных душ, рождённых созерцать;
туда, где братья ждут меня и где остались...»
«Учитель, милый! – вскинув к небу длань,
Мария бросилась к нему, как лань, –
они же предали тебя и разбежались
по конурам, продажные кроты,
чтоб вновь твои духовные плоды
делить, предела дележу уже не зная;
и разве ты им нужен, хоть мала,
когда вся жизнь твоя воистину земная
от жизни отречением была».
И вот тогда пришла пора землетрясения,
и зашатался храм – холодные каменья,
на землю падая, стирали след
Христа, ушедшего из Иерусалима;
и солнце-глаз, в зенит войдя незримо,
ласкало взглядом суету сует.

1987-1993

* * *

Глаза белорусов синее неба
и глубже байкальских вод,
они переполнены силой хлеба,
богатством пчелиных сот.

Душа белорусов нежнее самых
цветущих весной садов,
она освящает склонённых в храмах
и вносит смиренье в кров.

В руках белорусов, как песня птичья,
звучнеет забота вдруг,
они терпеливы до безграничья

и хлебосольны сам-друг.

Судьба белорусов грустнее, может,
болезни и клеветы,
она, умирая, живёт и множит
сияние правоты.

Сердца белорусов вернее богом
внушённой любви скупой,
они разрываются ненароком
и тихо, как почки весной.

1993

* * *

Кому нужна ты, молодость моя?..
Ты на поляне майской проплясала,
вдруг потеряв в траве среди пырья
угасших лет остывшее кресало.

Его найти уже мне не дано –
и жаль, и боль... но, думая об этом,
я понимаю, что давным-давно
мой сын наполнен молодости светом.

Что он бежит, сминая бархат трав,
навстречу мне... Сквозь утра покрывало
встаёт над полем, снова засияв,
моё искристое кресало.

1986

* * *

Мясорубка нашего времени
перемалывает – реванш?! –
от пяты до самого темени
человека на фарш.

Им властители дум за ширмою
начинят от души кишки...
Распродажа будет всемирною,
здравомыслию вопреки.

1992

* * *

Не в цене благородные ныне,
а лишь те, что продажны,
чтобы души их, как в магазине,
покупать абордажно;

наливать ненасытно в стаканы,
будто русскую водку,

опрокидывать, как истуканы
в иисусову глотку;

наслаждаться крутым опьянением,
полнясь мыслью-спринцовкой:
монолитным, живучим камням
не наступит концовка;

удручающим утром с похмелья
вырыгать в унитазы,
душ не сваренных горькие зелья
и закусок заразы.

1992

ПОПЫТКА ФАТУМА

Зачем спешить, куда спешить? –
коварно время;
настанет день – не буду жить:
сорвётся стремя.

Вчера, сегодня ли рождён? -
пойми, попробуй;
к последней дате пригвождён,
как крышка к гробу.

С гвоздя сорваться мудрено,
а если – всё же,
то упаду не как бревно,
как шрам на коже.

Разгладить прожитого суть?
Пожалуй, это –
как изваяние разуть,
лететь кометой.

А если скорость есть за смерть –
в глазу полено,
то сквозь былую круговерть
день – по колено.

В конце спрошу себя: скажи,
спешил к обедне?
Хватало времени, а жи...
была намедни.

1987

* * *

Война не досталась мне, к счастью, но часто,
когда я по полю иду, где бомбёжек
следы ещё живы, где вьются траншеи,
как змеи, порывистый ветер, как ножик,

доносит ко мне нарастающий скрежет
немецких «пантер», наползающих стадом;
летящие пули меня прижимают
к земле пересохшей. В траншею к солдатам
я прыгаю... Танки уже на подходе.
Сержант Соколов, приготовив гранаты,
кричит, ухмыляясь: «Ещё мы увидим,
как ваши пупки-то, фашисты-пираты,
сейчас надорвутся!.. Сынок, драгоценный, –
и мне подаёт две гранаты, – спокойно!
Вон тот сковырнёшь, что четвёртый от края».
В груди моей сердце, как колокол знойный,
гудит, заглушая и грохот, и скрежет.
Слегка приподнявшись, забыв про траншею,
я танк тот четвёртый глазами стреляю.
«Но где он, но где он?» – шепчу и не смею
сержанта спросить... Рядовой Семенкович,
во взгляде моём обнаружив смущенье:
«Ну-ну, не робей», – поддержал меня, тут же
опять «поливает», лелея отмщенье,
пехоту немецкую, свой пулемёт
держа с интересом, как держит в землянке
в минуты покоя лихую гармошку.
А танки? Со свастикой чёрные танки
почти у траншеи... И вдруг – безмятежность:
и замерли выстрелы, замерло пламя
горящих «пантер», и над полем гнетущим
безмолвно пульсирует красное знамя.
Погиб Соколов, Семенкович в воронке
лежит, в пулемёт упершись головой,
погибли товарищи их... Почему же
я не убит – и живой, и живой?

1985г.

* * *

Майская кипень рябины,
мягкая нежень грозы.
Стелется над луговиной
песня отбитой косы.

Хоть не пора сенокоса,
но продолженье пора
молнию видеть с откоса
завтра, сегодня, вчера.

Хоть и уносится с каждой
капелькой жизнь в пустоту,
хочется с новой жаждой
вслушиваться в красоту.

Мне и мила оттого-то

песня отбитой косы,
что различима в ней нота
жизни, весны и грозы.
1986